

ВРЕМЯ

НИЖНИЙ
МИР

ВЕРХНИЙ
МИР

ДЕЛО №

30:00:00:00

ДАРЬЯ Д.

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дарья Дорошенко

Время

«Автор»

2026

Дорошенко Д.

Время / Д. Дорошенко — «Автор», 2026

Представьте мир, где деньги отменены, а вместо них люди платят собственным временем. Хронометр встроен прямо в запястье каждого человека. Если на твоём счету остались нули — твоё сердце просто перестаёт биться. Мегаполис жестко разделен на два лагеря: элита Верхнего города живет вечно, скупая столетия «чистой жизни», а бедняки Нижнего яруса грызут друг другу глотки за лишний час, отдавая недели жизни за кусок хлеба. Киллиан Вайс — бывший элитный следователь, которого три года назад подставили, заблокировали счета и выбросили гнить на самое дно трущоб. Сейчас он работает частным ищейкой, а на его руке тикают последние 30 дней. Он уже смирился со смертью, но внезапно на него выходит его злейший враг — миллиардер Кроу, который когда-то и разрушил его карьеру

© Дорошенко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дарья Дорошенко

Время

Глава 1

«Морг Чистилища — единственное место в мегаполисе, где все равны. Сюда привозят иссохшие тела министров и уличных нищих. И те, и другие выглядят одинаково: как пустые консервные банки, из которых этот город сожрал всё содержимое».

Из записной книжки К.В.

Большую часть жизни в Нижнем городе я помню только дождь. Эта жижа не имела ничего общего с чистой небесной влагой — она воняла отработанным машинным маслом, неоновой гарью и чужим отчаянием. Тяжелые, маслянистые капли безжалостно хлестали по треснувшему стеклу. За окном расстилался бесконечный, угрюмый лабиринт из ржавого железа, переплетенных кабелей и тусклых вывесок копеечных борделей.

Я сидел в полумраке своего крошечного кабинета, глубоко вжавшись в обшарпанную кожу кресла. На потрепанном столе, среди вороха бумаг и стреляных гильз, уныло поблескивала наполовину пустая бутылка дешевого суррогатного виски. Двенадцать часов моей жизни — вот цена этого пошла, способного на пару часов заглушить головную боль. В воздухе висел плотный, сизый шлейф табачного дыма.

Я медленно поднял левую руку и дернул вверх рукава черной рубашки. На широком запястье, прямо под смуглой кожей, тусклым оранжевым светом горели цифры. Оставшиеся дни моей жизни утекали беззвучно, секунда за секундой: 14... 13... 12...

Настоящий смертный приговор, который всегда при мне:

30 дней. 00 часов. 02 минуты. 11 секунд.

Ровно месяц. Тридцать суток до того момента, как мое сердце сделает последний удар, а таймер обнулится. После этого муниципальные дроны просто сбросят мое остывшее мясо в ближайший утилизатор. В этой прогнившей дыре время давно стало единственной ходовой валютой. Но пока ублюдки из Верхнего города скупали себе столетия беззаботной жизни, мы, крысы Нижнего яруса, расплачивались днями и неделями за кусок плесневелого хлеба и глоток чистой воды.

Я доживал свой последний месяц. И, честно говоря, мне было абсолютно плевать. Я собирался сдохнуть именно так: спиваясь в хлам, выкуривая пачку за пачкой и лениво пуская кольца дыма в потолок. Мир вокруг сгнил, и сам я давно стал частью этой гнили.

На краю стола валялась тонкая пластиковая папка с моим последним делом. Я закрыл его всего час назад. Очередная мелкая сошка — уличный карманник, срезавший пару недель жизни у пьяного докера. Скучно, предсказуемо. Гроши за работу, которых едва хватило на аренду этого заплесневелого угла и пару бутылок виски. Вдруг грохочущую тишину разорвал резкий, требовательный зуммер моей защищенной линии связи.

Я даже не вздрогнул. Только раздраженно нахмурился, не снимая тяжелых армейских ботинок со стола. Я никого не ждал. На старом, покрытом глубокими царапинами экране терминала загорелся матово-черный логотип — знак высшего уровня шифрования. Такой код

использовала только зажавшаяся элита Верхнего города. Секунду я просто смотрел на мигающий значок, а затем лениво ткнул пальцем в западающую кнопку ответа.

Экран моргнул, полоснув по глазам резким, непривычно ярким светом. На дисплее появилось бледное, искаженное яростью и безумным горем лицо Аластера Кроу. Влиятельный чиновник, миллиардер, один из тех ублюдков, что фактически владели этим городом. Его безупречный костюм, стоивший как пара жилых кварталов на моем ярусе, был в полном беспорядке, а воротник шелковой рубашки — разорван на груди. На заднем плане, в роскошных, залитых золотом интерьерах пентхауса, беззвучно кружили красные огни криминалистических дронов.

Внутри меня, мгновенно пробивая алкогольный туман, поднялась тяжелая, обжигающая злость. О, я слишком хорошо знал эту холеную рожу. Три года назад именно Кроу со вкусом растоптал мою карьеру. Сорвал знаки отличия элитного следователя Высшего Департамента и выбросил гнить на самое дно, заблокировав все счета с «чистым» временем. И все за то, что упрямый Вайс отказался замять дело о массовом изъятии хроно-валюты у детей в трущобах.

Чиновник уставился на меня ледяным взглядом. В его глазах сквозь привычную брезгливость сквозило дикое, безысходное отчаяние. Он прекрасно помнил, кого три года назад смешал с грязью, и теперь его буквально выворачивало от необходимости просить о помощи. Кроу судорожно сглотнул и процедил сквозь зубы:

— Вайс. Я звоню тебе только потому, что среди всего отребья в этой вонючей помойке ты остался лучшим, когда нужно выследить местных крыс. И потому, что тебе абсолютно нечего терять...

Я не дал ему закончить. Хрипло, издевательски рассмеялся, выплюнув густую струю табачного дыма прямо в объектив камеры — пускай ублюдок прочувствует запах дешёвого табака. Медленно убрав ноги со стола, я подался всей своей массивной фигурой вперед, поближе к экрану, и оскалился:

— Надо же, какие люди! — Я картинно, с издевкой приложил ладонь к груди. — Неужели сам великий чиновник Кроу снизошел до звонка в мои трущобы? Чем обязан такой чести от человека, который три года назад лично пообещал, что я сдохну в сточной канаве? Что, господин Кроу, ваши элитные псы из Верхнего города умеют только вылизывать задницы начальству, а как дошло до дела — прибежали к «крысе»? И ты еще заикаешься, что мне нечего терять? Так благодаря кому, блять, мне нечего терять, грёбаный ты кусок дерьма?!

Лицо магната на экране мгновенно пошло багровыми пятнами. Его холеная челюсть сжалась так сильно, что мне показалось, я слышу скрежет зубов. Кроу ненавидел, когда ему напоминали о былых грехах, но сейчас ситуация у него была безвыходной. Он судорожно вдохнул, пытаясь вернуть контроль над дрожащим голосом:

— Заткнись, Вайс. Мне плевать на твои обиды. Мои люди здесь бесполезны. Три часа назад мой особняк ограбили. И это работа профессионала из твоего чертова гадюшника.

— И что же украли? — я лениво пригубил виски, не сводя пронзительных глаз с экрана. — Пару миллиардов кредитов? Или черную бухгалтерию, от которой у налоговой случится инфаркт?

— Мою дочь, — глухо, почти шепотом произнес Кроу. Его жесткое лицо перекосило от пугающей беспомощности. — Ее похитили, Вайс. Систему безопасности не просто взломали, ее выжгли подчистую. На записях камер только цифровой шум. Никаких следов. Но эти твари пришли не за сейфом. Они забрали мою девочку. А вместе с ней — капсулу, в которой хранились сто лет ее «чистой жизни» высшей пробы.

Сто лет. Целый век абсолютного бессмертия. Я выслушал его, даже не моргнув, лишь медленно опустил стакан на стол и хмуро усмехнулся.

— Выкачали вековой запас элитного времени, да еще и девчонку прихватили? — я покачал головой, позволяя голосу сочиться чистым ядом. — Знаете, Кроу... Глядя на вашу панику,

я не замечаю отцовского горя. По вашей роже видно, что вы оплакиваете не ребенка, а астрономическую сумму, в которую обошлась покупка этого века. Так я-то здесь при чем? Напишут похитители, потребуют выкуп — отвалите им долю, вернете свою куклу. Зачем трушобы на уши поднимать?

Лицо Кроу перекосило от бешеной ярости. Он подался вперед, едва не разбив кулаком камеру своего терминала, и процедил сквозь зубы:

— Ты, кажется, не понял, Вайс. Выбора у тебя нет. Ты сделаешь то, что я скажу, или твои оставшиеся тридцать дней превратятся в ад. Час назад на черном рынке всплыл цифровой код капсулы. Кто-то пытался заблокировать удаленное отслеживание контейнера. Мои аналитики перехватили этот сигнал — запрос ушел из закрытого сектора Нижнего яруса. Но наводчица, которая отключила датчики в моем доме, сейчас находится в Верхнем городе. Эта тварь прячется под чужой личиной прямо у нас под носом — в элитном клубе «Хронос».

Я неторопливо затянулся, выпустив густую струю дыма прямо в камеру. Мои глаза опасно сузились. В словах этого ублюдка крылась зацепка, от которой за версту несло подставой: если наводчица в Верхнем городе, почему сигнал идет из низов?

— Это ты, кажется, не понял, Кроу, — ответил я бархатным, леденящим голосом, в котором не осталось ни капли прежней лени. — Ты можешь идти нахер. Прямо сейчас. Мне осталось дышать ровно один чертов месяц, ублюдок. Чем ты меня пугать вздумал? Смертью? Она уже сидит на моем плече и заглядывает в мой стакан. Утри свои сопли и ищи других дураков.

Я уже занес руку над засаленной сенсорной панелью, искренне собираясь разорвать связь и навсегда забыть эту холеную рожу, когда Кроу в глухой панике выкрикнул:

— Стой! Пятьдесят лет «чистой жизни», Вайс! Пятьдесят лет!

Чиновник тяжело, со свистом задышал, мгновенно растеряв весь свой высокомерный лоск, который он так старательно наводил годами.

— Я перепишу на твой личный счет полвека элитного времени, — быстро, глотая слова, заговорил он. — Ты снова станешь богатым, Вайс. Вернешься в Верхний город, купишь себе пентхаус над облаками, вернешь свой прежний статус, значки, шмотки... Всё, что захочешь! Только найди и верни то, что эти твари вынесли из моего личного хранилища.

Я медленно опустил руку обратно на подлокотник. На моем лице отразилось такое глубокое, осязаемое презрение, от которого Кроу на экране едва заметно отпрянул.

— То есть дочь тебе уже не нужна? — ядовито спросил я, и мой голос сочился чистым, неразбавленным ядом. — Пять минут назад ты выл здесь о похищенной девочке, пускал слюни и строил из себя убитого горем отца. А как только пахнуло жареным — ты готов отдать половину ее жизни первому встречному наемнику, лишь бы вернуть оставшуюся часть? Какая же ты редкая мразь, Кроу. Тебе плевать на ребенка. Тебе всегда было плевать.

Кроу замер, запоздало осознав, что в панике выдал себя с потрохами. Его лицо побледнело, под глазами залегли темные тени, а взгляд стал затравленным, как у бешеной крысы, зажатой в углу. Но отступить ему было просто некуда.

— Какая тебе разница, Вайс?! — наконец не выдержал и рявкнул он, брызжа слюной в камеру. — Тебе нужно время, чтобы не сдохнуть через месяц в своей канаве, а мне — капсула! Зацепка у тебя есть. Ее зовут Айрис Лорн. Она сейчас в «Хроносе». Найди эту дрянь и вытряси из нее, где контейнер. Пятьдесят лет жизни, Вайс. По рукам?

Я не ответил сразу. В темном кабинете воцарилась тяжелая, осязаемая тишина, нарушаемая лишь тихим шипением тлеющей сигареты. Полвека чистой, бездефектной жизни высшей пробы. Это был безумный, запредельный куш. В Нижнем городе за такой объем хроно-валюты тебя выпотрошат вместе с одеждой прямо посреди улицы. Но я видел, как бешено бегают глаза Кроу на экране, и понимал: ублюдок загнан в угол. Настал мой черед закручивать гайки.

— По рукам, Кроу, — я жестко усмехнулся, обнажив зубы в хищном оскале. — Но на слово я тебе, твари, не верю. Знаем, плавали. Прямо сейчас ты сбрасываешь мне контракт, офи-

циально заверенный Сетью, который ты не сможешь аннулировать в одностороннем порядке. И аванс — три года «чистого» времени. Жду этот перевод сегодня до полуночи. Не будет трех лет на транзитном счете — я даже пальцем не пошевелю, понял меня?

Я подался еще ближе к камере, переходя на тяжелый шепот: — Плюс сюда же, в этот же пакет: все записи с твоих уцелевших камер, полные логи взлома домашней системы, показания выжившей охраны и все архивные файлы на эту твою Лорн. Иначе ищи других дураков, Кроу. Время пошло.

Магнат на экране заскрипел зубами так сильно, что этот звук, казалось, пробился сквозь помехи дешевой связи. Он прекрасно понимал, что наглый детектив из трущоб зажал его в угол и диктует свои условия. Но выбрать не приходилось — его личные часы безжалостно отсчитывали секунды.

— Контракт подписан, Вайс, — процедил он сквозь сжатые губы, и его лицо окончательно превратилось в маску мертвеца. — Жди свои три года к полуночи. Но учти: если к назначенному сроку я не получу четкий результат — ты не увидишь больше ни единой секунды. Я лично позабочусь о твоём обнулении.

Мой дряхлый терминал жалобно, натужно пискнул. Экран на секунду подернулся зеленой рябью — старое железо едва справилось с весом упавшего зашифрованного пакета корпоративных данных высшего уровня.

— Ждите звонка, Кроу, — глухо сказал я и жестким ударом пальца оборвал связь.

Экран терминала с тихим щелчком погас, окончательно погрузив кабинет в привычный, сырой полумрак. Этот ублюдок наивно полагал, что нашел отчаявшегося, готового на любую глупость пса, который по первому свистку бросится выполнять грязную работу. Но я слишком хорошо знал по прошлой службе в Департаменте, чем заканчиваются такие безрассудные прогулки на чужую территорию. В Верхний город нельзя соваться вслепую.

Я снова откинулся на спинку скрипнувшего кресла, вытянул затекшую шею и быстро набрал на панели длинную, постоянно меняющуюся цифровую комбинацию. Этот шифр вел напрямиком на самые темные, закрытые сервера Нижнего города, скрытые за стенами криптографического мусора. Линию связи трижды швырнуло через удаленные подставные прокси-узлы, запутывая след для ищеек Департамента, прежде чем мой монитор снова лениво ожил, мигнув ядовитой полосой.

Вместо человеческого лица на экране задергалась пиксельная анимированная маска скалящегося неоновом кота. Из хриплых, полусгоревших динамиков раздался электронный, слегка искаженный частотными фильтрами голос:

— О-о, детектив Вайс! Какими судьбами в наших гиблых краях? Я-то думал, ты уже пакуешь чемоданы на тот свет и подыскиваешь себе уютный муниципальный утилизатор. Твой личный таймер ведь почти на абсолютном нуле, верно? Если пришел просить скидку на «грязное время» из вторых рук, то у меня сегодня пусто, как в карманах докера. После сегодняшнего налета на особняк Кроу весь черный рынок лихорадит так, что зубы стучат. Силовики и правительственные дроны наглухо перекрыли все транспортные каналы между ярусами. Контрабандных часов сейчас не достать, даже если ты притащишь мне горы золота.

— Заткнись, Хакс, — хмуро оборвал я его излияния, стряхивая табачный пепел прямо на ворох бумаг. — Мне нужны не твои ворованные секунды, а чистая информация. Айрис Лорн. Что у тебя на нее есть? Выкладывай всё, что сумел нарыть: с кем работает, где обычно сбывает крупный товар, чьи заказы выполняет?

Экран на секунду замер, словно картинку заело. Ядовито-зеленая анимация кота перестала ухмыляться, пиксели испуганно дернулись. Из динамика донеслось тяжелое, прерывистое дыхание информатора — парень в спешке даже забыл вовремя активировать свой голосовой скремблер:

— Ты что, совсем рассудок потерял, Вайс? Связываться с Лорн — это всё равно что добровольно засунуть башку в пасть к голодному левиафану. На кой черт она тебе сдалась? Живи свой последний месяц спокойно, пей свое виски!

— За ее голову назначена награда, от которой я просто физически не могу отказаться, — я выразительно кивнул на свое левое запястье, где под кожей беззвучно таяли секунды. — Кроу утверждает, что именно она подчистую вынесла его укрепленный особняк. А в придачу похитила его дочь вместе со ста годами элитного времени высшей пробы в контейнере.

В динамике раздался короткий, сухой и донельзя циничный смешок, переросший в хриплый, прокуренный кашель.

— Дочь? — Хакс издевательски хмыкнул, и маска кота снова криво задергалась на экране, обнажая неоновые клыки. — Ну, старик заврался дальше некуда. Слушай сюда, детектив, и запоминай с первого раза, потому что второй раз я эту лекцию бесплатно повторять не стану. Айрис Лорн — чистокровная одиночка. Причем хакер и нетраннер высшего пилотажа. Она никогда в жизни не связывается с местными бандами и уж точно не подрабатывает банальным, грязным киднеппингом. У нее есть кодекс, Вайс, понимаешь? Своя извращенная мораль. Она крадет только у тех корпоративных тварей, кто это заслужил. Всего месяц назад эта девка вскрыла защищенное хранилище фармацевтического синдиката и подчистую раздала всё украденное время умирающим рабочим в южных трущобах. Для Нижнего города она теперь почти святая. Местный Робин Гуд в облегающей кибер-коже, за которую молится половина дна.

— И как эта «святая» умудрилась пройти сквозь лазерные фильтры Кроу так, что датчики движения даже не пикнули? — я недоверчиво прищурился, затягиваясь сигаретой и чувствуя, как внутри, вопреки старой апатии, разгорается профессиональный азарт.

— А вот тут кроется самое интересное, — отозвался Хакс, и маска кота на экране понимающе подмигнула неоновым глазом. — Никто в подполье до сих пор не знает, как именно она это делает. Мои ребята на закрытых форумах шепчутся, будто девка жестко модифицирована редким военным железом, которое гасит любые эхо-локаторы. Но суть сейчас вообще не в этом. Полчаса назад на скрытых узлах прошел глухой слух: капсулу Кроу выставили на закрытый аукцион. Вот только просят за нее не кредиты и даже не встречное время, а чистую свободу. Лорн лихорадочно ищет коды доступа к шлюзам «Чистилища» — главного правительственного архива данных. Похоже, у нее там свой личный, очень глубокий интерес. И если Кроу уверял тебя, что она сейчас тусуется в «Хроносе» — он, как ни странно, не соврал. Она просочилась туда по поддельной ID-карте высшего уровня. Скорее всего, надеется найти покупателя среди сынков высокопоставленных чиновников, у которых есть прямой доступ к секретным правительственным базам.

— Спасибо за наводку, Хакс. Сколько я тебе должен за этот разговор? — спросил я, привычным движением проверяя тяжелую обойму своего сорокамиллиметрового армейского пистолета.

— Считай это моим прощальным подарком тебе, Вайс, — в электронном голосе информатора вдруг проскользнули непривычные, почти человеческие нотки жалости. — Спишем эту информацию в счет твоего старого долга за спасение моей шкуры. Всё равно тебе недолго осталось топтать эти лужи. Но будь чертовски осторожен с этой бабой. Девчонка хороша до безумия, но убивает одним легким прикосновением, если ей что-то не понравится. Мужики от нее голову теряют в самом прямом, анатомическом смысле. Не дай ей выпить твои остатки времени раньше срока.

Монитор с глухим щелчком окончательно погас, оставив на сетчатке тающий зеленый силуэт кошачьей маски. Я уже поднялся с обшарпанного кресла, протянув руку к висящему на крючке пальто, но вовремя остановился.

Старые профессиональные привычки следователя Высшего Департамента, которые я безуспешно топил в виски последние три года, внезапно взяли верх над алкогольным туманом.

Идти в Верхний город вслепую, без детального анализа первоисточников, было непростительной, смертельной глупостью. Юнцы из трущоб так и дохли, а я планировал как минимум дожить до полуночи, чтобы увидеть три года на своем счете.

Я снова тяжело опустился в скрипнувшее кресло и развернул на экране присланный Кроу зашифрованный пакет данных.

Первым делом я запустил единственную уцелевшую видеозапись самого нападения. На старом, мерцающем дисплее замелькали роскошные, залитые мягким рассеянным светом интерьеры частного кабинета Кроу, совмещенного с личным хранилищем. В кадр бесшумно, словно призрак, скользнул гибкий силуэт в глухом угольно-черном тактическом костюме. Лицо похитительницы полностью скрывала маска с зеркальным визором.

Ее движения казались неестественно плавными, пугающе выверенными — так двигаются только профессионалы высшего пилотажа. Она уверенно подошла к главному терминалу безопасности и плотно приложила обнаженную ладонь к биометрическому сенсору. Порты, скрытые в подушечках ее пальцев, выбросили в цепь терминала мощный инъекционный код. Система послушно пискнула, тяжелый шлюз хранилища пошел вбок, и ровно в ту секунду, когда пакет данных авторизации улетел на удаленный сервер, вся локальная электроника особняка мгновенно выгорела, пустив по записям густой, шипящий цифровой шум. Камеры ослепли.

Я нахмурился, остановил запись за секунду до вспышки цифрового мусора и откинулся на спинку кресла. Внутри разлившейся алкогольной апатии отчетливо щелкнул холодный триггер следователя.

«Какая же ты мразь, Кроу», — процедил я сквозь зубы, покадрово перематывая те несколько секунд, пока камеры еще были живы.

Кроу выл в трубку, разыгрывая драму убитого горем отца, у которого похитили двадцатилетнюю дочь. Но на записи Айрис Лорн была абсолютно одна. За ее спиной висел только один жесткий тактический кофр — как раз под размер стандартного хроно-контейнера. И больше ничего.

Взрослую двадцатилетнюю девку не засунешь в чемодан для оборудования. Если бы ее похитили и тащили силой, камеры зафиксировали бы хоть какое-то подобие борьбы, сопротивления, два силуэта в кадре или хотя бы нацеленное оружие. Но Лорн двигалась быстро, спокойно и абсолютно хладнокровно. В приватной зоне особняка не было никаких признаков присутствия второго человека.

Лорн пришла не за человеком. Она пришла целенаправленно за капсулой. А историю про похищенную взрослую дочь Кроу выдумал на ходу. Скорее всего, девка вообще сбежала сама, либо ее там не было изначально. Но чиновнику позарез нужно было объявить Лорн в розыск по самой тяжелой, расстрельной статье Департамента — похищение человека, чтобы у силовиков Верхнего города развязались руки, а у меня не возникло лишних вопросов, когда я буду пускать ей пулю в лоб.

Я открыл системные логи шлюза, которые уцелели в буфере. В строке авторизации горел системный статус:

[AUTH_SUCCESS] // СТАТУС: ДОСТУП РАЗРЕШЕН. ИДЕНТИФИКАТОР: МАСТЕР-КЛЮЧ ВЫСШЕГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Мои серые глаза сузились. Этот цифровой шифр выдавался только высшим чинам полиции. Значит, Айрис Лорн снабжал кодами, координировал и прикрывал со спины кто-то из моих бывших коллег. Кто-то из самой верхушки Департамента, имеющий прямой доступ к секретным архивам «Чистилища».

Я резко захлопнул крышку портативного монитора. Пазл складывался, и от него за версту воняло большой политической гнилью. Кроу до смерти боится, что Лорн вскроет контейнер и наружу вылезет то, что чиновник прятал под видом «ста лет жизни своей дочери». И мне в этой

схеме отведена роль ликвидатора, который должен зачистить концы и сдохнуть от обнуления таймера.

Старый стул жалобно скрипнул под моим весом, когда я поднялся на ноги. Набросив на плечи потемневшее от сырости пальто, я пересек тесную комнату, привычным движением загнал тяжелый армейский ствол в кобуру под мышкой и толкнул тяжелую железную дверь.

Шагнув из кабинета на узкую, полутемную внешнюю галерею, я тут же почувствовал, как воздух с размаху ударил в легкие привычным, удушливым коктейлем из сырости, синтетического машинного масла и едкого чада дешевых уличных кухонь. Сверху, с верхних технических ярусов, непрерывно капала грязная, пахнущая неоновой гарью вода — вечный искусственный дождь наших трущоб.

Я резким движением поднял воротник потемневшего пальто и пошел по ржавому решетчатому настилу. Под моими тяжелыми армейскими ботинками глухо, металлически гудел настил галереи. Вокруг копошился, хрипел и выживал Нижний город. Местные бродяги с тусклыми, испуганно мигающими оранжевыми таймерами на запястьях жались друг к другу, пытаются согреть ладони у бочек с горящим токсичным пластиком.

Уличные девки в дешевом, кричащем неоновом макияже провожали меня ленивыми взглядами, но подходить ближе или заговаривать не решались. С моей массивной фигурой, угрюмым лицом и хищной армейской грацией я выглядел как человек, с которым смертельно опасно пересекаться в темном переулке. Особенно когда у этого человека в кармане лежит тяжелый ствол.

Я уверенно шел в сторону грохочущей станции монорельса, но мои мысли были полностью заняты делом. Мой мозг следователя, мгновенно протрезвев от охотничьего азарта, раскладывал по полочкам очевидные нестыковки в рассказе Кроу.

«Думай, Вайс, думай», — приказал я себе, глубже пряча руки в карманы сырого пальто.

Первая и самая главная странность — это время. Кроу уверял, что его особняк ограбили три часа назад. Сигнал от капсулы Хакс перехватил в низах час назад. А в клубе «Хронос» Айрис Лорн появилась всего полчаса назад. Логика ломалась напрочь. Если у тебя на руках сто лет элитной «чистой жизни», за которую тебя живьем пустит на фарш любой уличный синдикат или правительственный спецназ, ты не пойдешь в самый охраняемый, пафосный и забитый копами клуб Верхнего города через пару часов после дела. Ты заляжешь на такое глубокое дно, куда даже крысы не заглядывают от страха.

«Если только... она не пришла туда специально», — я прищурился, вовремя уворачиваясь от грязных масляных брызг пролетевшего мимо на бреющем полете грузового дрона.

Если Айрис действительно выставила капсулу Кроу на подпольный аукцион и требует за нее коды доступа к «Чистилищу», значит, элитный клуб «Хронос» — это не место для отдыха. Это место ее сделки. И потенциальный покупатель — кто-то из тамошней золотой молодежи, у кого есть прямой доступ к терминалам Департамента. Но вот главный вопрос: откуда Кроу так дьявольски точно узнал, где она находится прямо сейчас? Купленные информаторы? Кибераналитики? Либо Кроу сам изначально вел эту девку и знал о налёте, либо его аналитики — лучшие в этом полушарии, во что верилось с огромным трудом. Нас разыгрывали втемную.

Вторая нестыковка, которая не давала моему детективному чутью покоя — это похищение девчонки. Эвелин Кроу двадцать лет. Изнеженная, дорогая сучка, которая Нижний город видела разве что на отредактированных экранах элитных головизоров. Если её похитили исключительно ради выкупа, уличные преступники уже давно связались бы с отцом и выставили ценник.

Но вместо этого Кроу бежит к частному, опустившемуся ищейке из трущоб и с ходу предлагает безумный, астрономический куш — пятьдесят лет чистой жизни. Полвека! За такие деньги на черном рынке можно нанять целую небольшую частную армию с тяжелыми боевыми андроидами. Зачем ему один циничный детектив со смертным приговором на руке?

Ответ был очевиден и вонял гнилью сильнее, чем сточная канава под моими ногами. Я был идеальным кандидатом на роль палача. Кроу вообще не нужна дочь. Ему нужно, чтобы я пришел в клуб, вычислил Айрис, вытряс из нее капсулу и заткнул ей рот навсегда. Быстро, грязно и без свидетелей.

А потом, когда я принесу добычу, Кроу попытается обнулить мой собственный таймер. Смертник должен выполнить грязную работу и исчезнуть в утилизаторе. Чиновник наивно думает, что заблокирует мой счет, на который только что упали три года аванса. Но я не зря заставил его подписать официальный контракт через Сеть — эти три года уже юридически мои. Осталось только выжить и перевести их на запястье, пока корпоративные шакалы не перегрызли мне горло.

Я подошел к массивным, покрытым потеками ржавчины гермоворотам лифтовой шахты, ведущей на верхние ярусы.

[29 дней. 23 часа. 50 минут. 14 секунд.]

Часы тикали, отсчитывая крохи моего существования. Но теперь в моих жилах вместо унылой алкогольной апатии бурлил чистый, холодный, как лед, адреналин.

Массивные ворота разошлись в стороны с тяжелым гидравлическим шипением, обдав меня запахом озона и дорогого кондиционированного воздуха. Из темноты шлюза на меня мертвыми зрачками лазерных прицелов уставились спаренные дула автоматических турелей. Навстречу, чеканя шаг, выдвинулись двое штурмовиков в тяжелой зеркальной броне, с винтовками наперевес.

Для любого отребья с низов здесь был конечный тупик. Чтобы лифт тронулся с места, требовался официальный «временной ценз». Автоматика безопасности была запрограммирована бездушно: она мгновенно блокировала и отправляла под арест любого, у кого на руке оставалось меньше пяти лет жизни. Мои оранжевые тридцать дней были для этих пулеметов билетом в один конец — прямо в муниципальный утилизатор.

— Стой. Руку на сканер, — глухо раздалось из-под шлема ведущего охранника.

Я спокойно шагнул вперед и плотно прижал ладонь к холодной матовой панели терминала. Мои тусклые цифры мазнули по стеклу. Сканер пискнул, заливая шлюз тревожным багровым светом, а потолочные турели с противным, тонким жужжанием сервоприводов довернули строенные стволы прямо мне в грудь. Корпорат положил палец на спусковой крючок. Ему было плевать, кого пускать на фарш — для него я был просто ходячим цифровым мусором.

До рокового залпа оставались доли секунды. Внутри шлемов штурмовиков уже наверняка замигал приказ на ликвидацию.

Ухмыльнувшись глядящему в переносицу стволу, я левой рукой нажал на сенсор скрытого деки-терминала в кармане пальто, активируя транзитный буфер и отправляя в систему лифта зашифрованный пакет данных Кроу.

В ту же секунду багровый свет захлебнулся. Локальный сервер шахты на мгновение завис, переваривая тяжелую цифровую подпись высшего уровня, а затем шлюз залило ровным, неоновым-зеленым сиянием. На терминале загорелись строки:

```
[TRANSIT_BUFFER_ACTIVE] // СИНХРОНИЗИРОВАНО [ОБЪЕМ ВАЛЮТЫ: 3 ГОДА // ВЫСШИЙ ЦЕНЗ] [СТАТУС: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ.]
```

Турели удивленно шелкнули и втянулись в ниши. Штурмовик качнулся назад, его палец замер на спуске. Сквозь зеркальный визор я почти физически почувствовал волну ступора: секунду назад перед ним стояла смертная крыса, а сейчас защищенные протоколы утверждали, что этот бродяга — личный гость хозяев города.

— Вопросы есть, служивый? — тихо спросил я, не убирая с лица хищной усмешки.

Охранник молча, с явным внутренним сопротивлением, сделал шаг назад, опуская ствол к полу, и буркнул по связи: — Чист. Пропустить объект.

Я прошел мимо застывших фигур и шагнул в стерильную кабину. Тяжелые гермоворота сошлись с глухим хлопком, отрезая Нижний город. Магнитные поршни с колоссальной скоростью швырнули многотонную коробку вверх.

Я прислонился спиной к зеркальной стене, чувствуя, как тело наливается тяжестью от перегрузки. Но сильнее ускорения в виски била одна-единственная мысль: нас втянули в запретную, монументальную аферу. Эвелин Кроу не было на камерах. Никакого похищения не существовало. Кроу просто использовал меня как одноразовый инструмент, чтобы зачистить Айрис Лорн и замести следы.

Я бросил взгляд на левое запястье, где всё еще тускло догорали тридцать дней. Три года аванса пока висели в буфере — зажигать их на руке в элитном клубе было нельзя, я должен оставаться незаметным пятном на их фальшивом празднике.

«Нашел дурака, Аластер, — мысленно ухмыльнулся я, проверяя жесткий ход затвора под пальто. — Думал, что ради тридцати дней я послушно полез в петлю? Но как только я доберусь до этой девчонки в "Хроносе", мы первыми делом обсудим, какую именно тайну ты спрятал в той капсуле вместо своей драгоценной дочери».

Глава 2

*«Для тех, кто рожден на дне, время
— это не абстрактные цифры на
часах. Это пот твоих рабочих,
кровь твоих врагов и кусок
плесневелого хлеба, который ты
покупаешь ценой собственной
недели»*

Запись на стене технического сектора .

Вместо привычной ржавчины трущоб снаружи, сквозь паноморфное стекло лифта, начали вырастать исполинские, уходящие в чистое, искусственно подсвеченное небо башни из сверхпрочного стекла и зеркального хрома. По идеальным многоуровневым эстакадам, обвивающим небоскребы подобно светящимся неоновым нитям, бесшумно неслись ровные потоки дорогих флаеров последних моделей.

Здесь не было и следа удушливого запаха машинного масла, дешевой синтетики или гари. Через скрытые фильтры вентиляции в герметичную кабину хлынул стерильный, кондиционированный, искусственно очищенный и слегка подслащенный ароматом дорогого парфюма воздух Верхнего города. Воздух, каждый глоток которого для жителей низов стоил бешеных, недостижимых денег.

Капсула лифта затормозила так плавно, что я почти не почувствовал остановки — лишь на секунду изменилось внутреннее давление в ушах. Цифровой индикатор над автоматическими дверями загорелся мягким, пульсирующим фиолетовым светом, высветив название конечной станции:

[СЕКТОР АЛЬФА // КЛУБ «ХРОНОС»]

Я открыл глаза, стряхивая остатки секундного оцепенения. Створки лифта бесшумно разошлись в стороны.

Парящая в небесах на мощных магнитных стабилизаторах многоуровневая башня элитного клуба «Хронос» ослепляла своей роскошью, сияя переливающимися фиолетовыми, лазурными и золотыми неоновыми огнями. Тяжелая электронная музыка отсюда не доносилась на открытую панорамную платформу благодаря силовым полям звукоизоляции, но сама футуристическая архитектура здания кричала о вседозволенности и огромных, скопленных поколениями веках жизни.

На входе, перед массивной голографической аркой фейс-контроля, стояли трое рослых охранников в глухой черной штурмовой экипировке Высшего сектора, с короткими автоматическими винтовками на тактических ремнях. Над их головами беззвучно зависли два шарообразных криминалистических дрона, чьи лазерные лучи лениво сканировали биометрические параметры и встроенные ID-карты прибывающих гостей.

Я намеренно сбавил шаг, стараясь держаться в тени чужих дорогих спин, и глубоко засунул руки в карманы своего длинного, пахнущего низовой сыростью пальто. Нагло лезть napролом в моем положении было бы глупостью, но скрывать присутствие в Верхнем городе — еще глупее. Система всё равно видела меня насквозь.

Как только я приблизился к арке, автоматика сработала мгновенно. Шарообразные дроны над головой предупреждающе мигнули желтым, перестраивая алгоритмы в режим слежения за потенциальной угрозой, а их лазерные маркеры на секунду мазнули по моему лицу.

На тактических очках-визорах охраны тут же ядовито вспыхнул статус экстренного правительственного контракта Кроу, намертво привязанный к моему цифровому паспорту. Без этой зеленой метки меня бы прямо здесь уложили лицом в хромированный пол.

Старший наряда охранников едва заметно подобрался, его взгляд зафиксировался на моих карманах, где угадывались контуры тяжелого оружия. Никакого страха в его глазах не было — только холодная, профессиональная готовность открыть огонь, если я сделаю глупость. Он коротко скользнул взглядом по моему угрюмому, помятому лицу, оценивая повадки бывшего оперативника, и едва заметно кивнул, пропуская внутрь.

Им не нужно было ничего объяснять. Контракт Кроу давал мне право войти, но для этих парней я всё равно оставался грязным ублюдком с низов, которого прислали делать чужую черную работу. И если что-то пойдет не так, они нажмут на спуск не задумываясь.

Внутри «Хроноса» царил интимный, дурманящий полумрак, безжалостно разрезанный гипнотическими, режущими вспышками фиолетовых и бирюзовых лазеров. Тяжёлые, утробные басы электронной музыки были настолько плотными, что физически вибрировали прямо в моей грудной клетке, заставляя сердце подстраиваться под этот искусственный, бешеный ритм. В воздухе витал густой, приторный шлейф элитного синтетического кальяна с тяжелым ароматом соленой карамели и дорогих нейро-стимуляторов.

Я медленно двигался сквозь эту беснующуюся, сияющую массу, оставаясь чужеродным, мрачным черным пятном среди глянца, шелка и фальшивого блеска. Я принципиально не смотрел на полуобнаженных танцовщиц и не обращал ни малейшего внимания на вызывающие, пьяные взгляды девиц, под кокаином. Мажоры Верхнего города выставляли свое время напоказ, как дешевые шлюхи — бижутерию. У каждого второго на ухоженном запястье лениво пульсировал сочный, неоновый-зеленый свет. Пятьдесят лет, восемьдесят, целое беззаботное столетие... Они транжирили драгоценные десятилетия на элитное пойло, дизайнерскую химию и минутное удовольствие. Эти зажавшиеся ублюдки даже не задумывались о том, что внизу, под их сияющими туфлями, люди грызут друг другу глотки за лишний час жизни в сырости.

Я подошел к барной стойке, высеченной из цельного куска темного вулканического стекла. Прямо под ее прозрачной поверхностью, в жидком полимере, лениво плавали декоративные биолюминесцентные медузы, подсвечивая снизу лица гостей. Бармендер — холёный парень с безупречной укладкой и в дорогом шелковом жилете — мгновенно оценил мое потрепанное пальто и тяжелый взгляд. Его породистое лицо брезгливо перекопилось. Он уже открыл было рот, собираясь вежливо, но твердо попросить меня убраться вон, чтобы я не портил вид приличным людям.

Я опередил его. Без лишних слов опустил левую ладонь на стеклянную поверхность. На моем запястье тускло мазнул оранжевый таймер смертника, заставив парня победно оскалиться, но в ту же секунду на скрытом саб-дисплее терминала отобразился цифровой токен Кроу с безлимитным счетом на любые расходы. Лицо бармендера мгновенно разгладилось, сменившись угодливой миной корпоративного раба. Вся его спесь и желание вышвырнуть бродягу растворились в зеленых кодах высшего доступа.

— Чистый виски. Самый старый, какой у тебя есть. Из настоящих запасов земли, а не твою гребаную синтетику, — глухо приказал я.

Пока бармен покорно доставал тяжелую стеклянную бутылку, я опустил правую руку в карман и незаметно активировал портативный сканер частот, замаскированный под старые армейские часы. Клуб «Хронос» был буквально забит правительственной защитой и локальными глушилками, но я искал не их. Мой старый прибор отслеживал конкретный цифровой след, о котором предупреждал Хакс — остаточную аномалию от фальшивой ID-карты высшего уровня, которой вскрыли особняк.

И тут мой взгляд зацепился за VIP-зону. Сканер выдал короткую, едва ощутимую вибрацию на запястье, подтверждая догадку.

Она сидела в глубине полупустого сектора на мягком диване из белой кожи. Айрис Лорн. Хакс не соврал — эта девка притягивала внимание, как открытый огонь в темном переулке. Длинные, шелковистые тёмные волосы каскадом падали на её открытые плечи. Облегающий

корсет из мягкой черной кожи переходил в струящуюся юбку из жидкого серебра, которая идеально подчёркивала её тонкую талию, плоский живот и плавные, почти гипнотические изгибы тела. Глубокий вырез на спине обнажал бледную, фарфоровую кожу, которая в этом заведении казалась верхом роскоши. Её пухлые губы были изогнуты в ленивой, дерзкой усмешке. Она держалась отстранённо, словно хищник, случайно зашедший в загон к травоядным мажорам.

Но главным, от чего у меня внутри все подобралось, были её глаза — кошачий разрез, дикий, абсолютно трезвый взгляд и пронзительный, неестественно яркий голубой цвет радужки. На её руках до самых локтей были натянуты плотные черные вечерние перчатки. Похоже, слухи о ее способности пустить человека на фарш одним движением имели под собой вполне реальную базу — под этой тонкой тканью могла прятаться обычная бритва, скрытый клинок или высокотехнологичная удавка.

Один из пьяных мажоров, сидевших рядом, осмелев от безнаказанности и выбивающего мозги хроно-коктейля, придвинулся к ней ближе. Что-то нагло наговаривая и скаля зубы, он попытался по-хозяйски положить ладонь на её обнажённое бедро. Я сквозь лазерные сполохи зала заметил, как хищно сузились зрачки девушки. Она плавно, с невероятной кошачьей грацией уклонилась от прикосновения, наклонилась и что-то тихо шепнула парню на самое ухо.

Эффект был мгновенным. Мажор побледнел так, словно ему только что зачитали смертный приговор. Его сытое лицо перекосило от первобытного ужаса, глаза округлились, и он резко отшатнулся назад, едва не перевернув столик с дорогими напитками. Хватило всего пары слов, чтобы превратить спесивого богача в дрожащее ничтожество.

Айрис Лорн неторопливо встала с дивана. На её губах играла холодная, победная усмешка. Оставив напуганного мажора приходить в себя, она быстрым, покачивающимся шагом направилась к выходу на закрытую, затенённую террасу, парящую над бездной ночного мегаполиса. Охотница уходила в тень, подальше от лишних глаз, и это был мой единственный шанс.

Бартендер беззвучно пододвинул ко мне гранёный стакан. Я залпом осушил тяжелое стекло, чувствуя, как обжигающий торфяной виски окончательно выжигает из головы остатки хмельной апатии. Оранжевые цифры на моем левом запястье безжалостно мигнули:

29 дней. 23 часа. 15 минут.

Мое личное время стремительно утекало сквозь пальцы. Обещанные Кроу три года аванса уже лежали тяжелым зашифрованным блоком в моем карманном деке — я выгрыз эти часы, но переводить их на подкожный таймер прямо среди забитого датчиками клуба было бы тактическим самоубийством: Сеть Верхнего города тут же запеленговала бы аномально крупную транзакцию и заблокировала счет до выяснения. Придется пока потерпеть этот чертов оранжевый счетчик смертника.

Я оттолкнулся от бара и двинулся наперерез толпе, держа в поле зрения закрывающиеся створки панорамной террасы. Я шел мягко, пряча подбородок в воротник и умело проскальзывая между подвыпившими компаниями. Ломаная, неприметная манера движения оперативника позволяла мне оставаться невидимым, мрачным черным пятном среди глянца и шелка. Охота официально началась.

Я плавно сокращал дистанцию через фиолетовый неоновый полумрак клуба, не сводя взглядом с силуэта Айрис. Её бедра покачивались в такт тяжёлым, бьющим по ушам басам, но я видел совсем другое: эта девка была наэлектризована до предела. Никакой расслабленности. Она постоянно сканировала периферийным зрением пространство вокруг себя, проверяла слепые зоны и четко держала дистанцию от пьяных компаний, словно ждала засады или удара в спину в любую секунду.

«Ты пришла сюда не развлекаться, — цинично размышлял я, косясь на нее сквозь плотный слой лазурного дыма. — Хакс прав. "Хронос" — это просто точка сбыта. Но кто твой

покупатель? И что именно ты шепнула этому придурку на диване, раз его холеная морда так быстро покрылась испариной?»

Тот самый пьяный мажор, которому Айрис только что оставила свое предупреждение, оказался слишком тупым и упрямым, чтобы просто уползти в угол и сохранить остатки зубов. Обида вспыхнула в его затуманенных глазах, щедро подпитанная дорогим алкоголем и чувством полной сословной безнаказанности. Золотой мальчик Верхнего яруса явно не привык к отказам от девок, которых он считал швалью с низов. Он нагнал Айрис прямо у тяжелых стеклянных дверей, ведущих на затененную террасу, и грубо, по-хамски ухватил ее за обнаженный локоть, дернув на себя.

— Слышь, ты, дрянь трущобная! — полетело ей в спину, едва не перекрывая грохот музыки. — Ты думаешь, если нацепила шмотки из Верхнего города, то стала неприкасаемой? Да я твой таймер сейчас до секунды обнулю...

Угроза обнуления. В этой дыре за такие слова убивали на месте. Но мажор не успел договорить. Если бы он потянул ее сильнее, Айрис, судя по ее положению тела, вскрыла бы ему горло сама. Мне пришлось вмешаться, чтобы эта дура не устроила бойню раньше времени и не сорвала мне контракт.

Для меня, прошедшего ад уличных стычек на самом дне, этот изнеженный богач двигался словно в замедленной съемке. Я оказался рядом со спины, бесшумно и быстро. Перехватил его wrist, выворачивая сустав под неестественным углом, и жестко нажал большим пальцем на нервный узел под локтем.

Мажор судорожно глотнул воздух, не в силах даже закричать от резкой, парализующей боли. Я моментально впечатал его лицом в массивную раму стеклянной двери, полностью перекрывая его тело своим широким плечом от камер и охраны.

— Исчезни, — леденящим шепотом приказал я ему в самое ухо, едва заметно усиливая болевой прием. — Пока я не вытряс из тебя остаток твоих никчемных лет прямо здесь. Бегом.

Я резко отпустил его. Парень, тяжело дыша и багровея, трусливо бросился назад, растворяясь в неоновом тумане танцпола. Никто из накачанной стимуляторами толпы даже не обратил внимания на эту секундную заминку у дверей. Богатые детки слишком заняты своим бессмертием, чтобы замечать чужую возню.

Я неторопливо повернулся. Айрис Лорн стояла всего в шаге от меня, прислонившись спиной к прозрачной перегородке. Штора над ее головой мягко колыхалась от сквозняка. Ее пронзительные голубые глаза хищно сузились, сканируя меня снизу вверх. На ее губах не было и тени страха — лишь холодное, оценивающее любопытство. Взгляд задержался на моем пальто, пахнущем низовой сыростью, а затем скользнул по лицу.

— Благородный рыцарь в грязном пальто? — ее голос прозвучал тихо, но отчетливо, с легкой издевательской хрипотцой. — Или очередная ищейка, которая решила поиграть мускулами? Ты ведь шел за мной от самого бара, большой парень. Чего ты хочешь?

«Она даже не шелохнулась, — моментально зафиксировал мой мозг следователя, отметив, что её дыхание осталось идеально ровным после выходки мажора. — Вес тела перенесен на левую ногу, ладонь в перчатке держится чуть ближе к бедру. У неё под корсетом точно что-то спрятано. Либо капсула Кроу, либо пушка. А скорее всего — и то, и другое».

На моих пухлых губах появилась жесткая усмешка. Пятьдесят лет чистой, сытой жизни в Верхнем ярусе — вот цена ее головы. Кроу пообещал мне этот королевский куш за ее поимку, и я не собирался упускать свой билет в бессмертие.

— Люблю собирать долги, куколка, — я хищно оскалился, не сводя с нее глаз. — А за твоей головой числится очень крупная сумма.

Айрис не ответила. Она лишь кокетливо повела обнаженным плечом, развернулась и уверенно шагнула за стеклянную дверь — на пустынную, залитую неоном террасу, парящую над километровой бездной мегаполиса.

«Идет прямо в ловушку. Сама изолирует себя от толпы. Она либо безумна, либо чертовски уверена в себе», — подумал я. Поправив пальто и проверив пальцами рукоять пистолета во внутреннем кармане, я пошел следом за ней в темноту.

Стеклянные автоматические двери за моей спиной закрылись с глухим шелчком, полностью отсекая рев клубной музыки. Мы остались наедине в звенящей, холодной ночной тишине, высоко над прогнившим миром.

Сюда, сквозь энергетические фильтры купола Верхнего города, прорывался легкий, искусственно созданный ночной бриз. Прозрачный пол террасы уходил прямо в бездну. Глубоко внизу, под подошвами моих тяжелых ботинок, мерцало бескрайнее оранжевое месиво Нижнего яруса, похожее на раскаленную лаву в кратере вулкана.

Айрис стояла у самого края, небрежно опершись бедрами о перила террасы. Фиолетовый неон ласкал её открытые плечи и скользил по плавным изгибам черного кожаного корсета. Она медленно повернула голову в мою сторону. В ее глазах не было паники — только дикий, дразнящий азарт.

В долю секунды ее грация ленивой кошки сменилась молниеносным броском пантеры. Айрис резко выкинула руку вперед. В ее пальцах, обтянутых черной тканью, блеснуло тонкое лезвие стилета, нацеленное мне точно в сонную артерию.

Я ждал этого. Мои армейские рефлексy сработали на автомате. Я резко качнул корпусом назад — стальное лезвие со свистом рассекло воздух в миллиметре от моей шеи. Я выбросил руку, перехватывая её тонкое запястье, но Айрис оказалась невероятно гибкой и быстрой. Вместо того чтобы вырваться, она сама рванулась вперед, уходя от захвата, и резко ударила меня локтем свободной руки прямо в челюсть.

Моя голова мотнулась, во рту явственно загорчил вкус собственной крови. Это только разозлило меня, сорвав внутренние тормоза. Я уклонился от следующего выпада ножом, сократил дистанцию и жестко подсек её под опорную ногу. Айрис должна была рухнуть на стеклянный пол, но вместо этого умудрилась сгруппироваться в воздухе. Опираясь на одну ладонь, она крутанулась вокруг своей оси и нанесла мне мощный, хлесткий удар обеими ногами в грудь.

Тяжелый удар пришелся точно по моему прессу. Я едва покачнулся, но инерция заставила сделать шаг назад, на мгновение сбив дыхание. Пользуясь этой секундной заминкой, Айрис крутанулась на каблуках и попыталась прыгнуть на пожарную лестницу, ведущую к техническим переходам башни.

Я не собирался упускать ее. Переборов секунднy спазм в легких, я рванулся следом и в последний момент успел мертвой хваткой вцепиться в подол ее серебряной юбки. Раздался треск разрываемой ткани. Айрис потеряла равновесие на первой же ржавой ступени металлической лестницы и спиной полетела вниз, прямо на меня.

Я подставил плечо, гася инерцию ее падения, и мы оба с грохотом повалились на прозрачный пол террасы. Однако девка даже не думала сдаваться. Извернувшись в моих руках прямо в момент приземления, она попыталась вогнать стилет мне под ребра, целясь точно в незащищенный бок.

Я сработал на чистых, вбитых до автоматизма рефлексax — жестко перехватил ее руку у самого запястья и с силой впечатал в пол над ее головой. Тонкое стальное лезвие со звоном выскочило из ее пальцев, проскользило по прозрачному покрытию и покатилося к самому краю террасы, бесследно исчезая в километровой бездне ночного мегаполиса.

Я мгновенно навалился сверху всем своим весом, гася последние попытки сопротивления. Айрис яростно извивалась подо мной, словно пойманная дикая кошка, и буквально рычала от бессильной злости. Одним широким хватом своей ладони я намертво зафиксировал оба её тонких запястья в холодное бронестекло над головой, а тяжелым коленом плотно прижал её бедра к полу, полностью блокируя любые движения.

Сквозь прозрачное покрытие прямо под нами бескрайним костром горел Нижний город. Айрис тяжело дышала, её грудь высоко вздымалась, а в пронзительных голубых глазах горела бешеная, чистая ярость дикого зверя.

— Пусти, ублюдок! — процедила она сквозь зубы, безуспешно пытаясь вывернуть запястья из моих пальцев, сжатых словно стальные наручники.

Мы оказались слишком близко. Дыхание сбилось у обоих, вырываясь из груди рваными, горячими толчками в звенящей тишине смотровой площадки. Я отчетливо чувствовал частое, сбивчивое сердцебиение Айрис через податливую кожу корсета, которая вжималась в мою грудную клетку при каждом судорожном вздохе. Приторный запах соленой карамели и пороха забил ноздри. Мой мозг, подогретый торфяным виски и диким адреналином схватки, на секунду споткнулся, затуманенный этим опасным сближением.

— Попалась, — глухо выдохнул я ей прямо в лицо, прочно удерживая захват.

Айрис не ответила. Она резко дернулась, и, пользуясь тем, что я на долю секунды ослабил бдительность, молниеносно поднесла освободившуюся кисть к лицу. Зубами она вцепилась в край черной перчатки и одним яростным рывком головы сорвала её.

На её запястье тусклым, зловещим светом замигал миниатюрный прибор — нелегальный хроно-экстрактор. Из матового корпуса хищно выдвинулись тончайшие контакты-иглы, нацеленные в мою шею. Один укол — и я превратился бы в иссохший труп.

Я не стал дожидаться удара. Мои рефлексy сработали быстрее: левой рукой я наотмашь нанес резкий удар снизу вверх по её запястью. Тяжелый прибор с глухим стуком вылетел из пальцев, проскользил по стеклу и исчез в бездне мегаполиса.

Но Айрис даже не моргнула. Потеряв оружие, она в ту же долю секунды вцепилась пальцами в мои волосы на затылке, рывком притягивая к себе, и впиалась в мои губы яростным, обжигающим поцелуем, полностью перекрывая воздух.

И началось.

Мир вокруг взорвался миллионами слепящих вспышек. Меня прошибло разрядом такого концентрированного экстаза, какого я не испытывал за всю свою жизнь. Прямо через слизистую, минуя любые переходники, в мои иссушенные вены хлынул бушующий, ослепительный поток лазурного огня. Это был запретный, животный вампиризм — она сбрасывала время напрямую.

Каждая клетка моего тела, обреченная безжалостной системой на смерть, вдруг ожила, расправилась и закричала от пугающего удовольствия. Мой разум затопило светом, выжигая любые мысли. Серые глаза закатились, густые ресницы судорожно дрогнули. Моя ладонь, все еще державшая её запястья, бессильно разжалась. Контроль полностью растаял в этой сладкой бездне.

Там уличные оранжевые цифры окончательно сошли с ума. Прямо у меня на глазах они бешено закрутились вперед, стремительно меняя тусклый оттенок на ослепительно-голубой неон: 31 день 2 месяца полгода девять месяцев. Мой встроенный таймер жадно, как изголодавшийся хищник, пожирал её чистую энергию, захлебываясь от мощной передозировки. Я тяжело выдохнул ей в губы, бессильно рухнув всей грудью на её тело. Мускулы судорожно дрожали, парализованные этой сладкой вспышкой хроно-экстаза. На несколько секунд я полностью потерял связь с реальностью, утопая в дурмане, который Айрис вливала в меня вместе с горячим дыханием. Это была абсолютная капитуляция моего организма — первобытная реакция на чистую валюту высшей пробы. Айрис резко прервала поцелуй. Почувствовав, что я обмяк, она крутанула бедрами и со всей силы толкнула меня в плечо. Мои пальцы разжались, и я свалился с неё на холодное бронестекло. Она жадно хватала ртом воздух, по её шее и лицу сквозь тонкую кожу пульсировали угасающие лазурные вены. Передача времени далась ей тяжело, но девка уже праздновала победу. Она рывком поднялась на ноги, собираясь взлететь по технической лестнице в темноту, подальше от меня. Но она слишком рано списала меня

со счетов. Армейская выучка работала даже тогда, когда нервная система плавилась от шока. Я сделал резкий выпад прямо с пола, мертвой хваткой вцепившись в её лодыжку. С глухим стуком я дернул её на себя, опрокидывая обратно на настил. Перехватив инициативу, я навалился сверху, блокируя её бёдра коленями. Многослойное стекло под нами завибрировало, отражая наши тени на фоне километровой бездны. Я наклонился к её уху и, едва ощутимо прикусив мочку, прошептал:— И что это сейчас было, куколка? Айрис шумно вдохнула сквозь зубы. Её глаза оказались в нескольких сантиметрах от моих: в них больше не было торжества — только растерянность, мечущийся страх и вспыхнувший охотничий азарт. Она поняла, что заигралась, а на моем запястье теперь холодно отсчитывали год триста шестьдесят дней.— Ты ты должен был обнулиться, — прерывисто выдохнула она, пытаясь вернуть голосу прежнюю дерзость, но губы предательски дрожали.— Я не привык подыхать, когда меня пытаются убить, — я жёстко оскалился. Я заставил её смотреть на мой таймер, затем грубо перехватил её за подбородок и впился в губы карающим, тяжелым поцелуем. Теперь я не просил, а забирал своё, сминая остатки её сопротивления, пока моё дыхание не слилось с её стоном. Я оторвался от неё, но не выпустил подбородок. Мы оба тяжело дышали в звенящей тишине террасы. Айрис смотрела на меня, и в её глазах, среди ярости и вожделения, отчетливо читался животный страх.— Теперь мы квиты, — прохрипел я, переключаясь в режим следователя. — А теперь — давай о серьезном. Я резко схватил её за правую кисть, с которой она ранее сорвала перчатку, и вывернул ладонью вверх. Я должен был увидеть, сколько времени осталось у неё, но слова застряли в горле. Там не было цифр. Вообще. Под бледной кожей не тикал безжалостный отсчет. Вместо привычного дедлайна на её запястье пульсировал идеальный, ослепительно-голубой контур — знак бесконечности. Математическая петля, которая беззвучно горела в полумраке, насмехаясь над законами этого мира.— Что это за хрень, Айрис? — леденящим шепотом спросил я, впиваясь взглядом в её глаза. — Кто ты, чёрт тебя дерит, такая? Она не успела ответить. В ту же секунду тишину террасы прошил свист рассекаемого воздуха. Я уловил тень на периферии, но рефлексы, затуманенные хроно-экстазом, опоздали. Сзади обрушился сокрушительный удар. Вспышка боли выжгла сознание. Мое тело обмякло, и я, теряя контроль, уткнулся лицом в её корсет, вдыхая последний запах пороха и карамели. Сквозь нарастающий цифровой шум я услышал быстрые шаги. Айрис облегченно выдохнула, и в её голосе снова зазвучала холодная уверенность:— Ты, как всегда, вовремя. Хватай его, и пошли. Скоро здесь будут дроны Кроу...

Глава 3

«В этом городе расследовать убийство — чистая глупость. Здесь никто не умирает сам. Каждое обнуление — это спланированное преступление тех, кто наверху, против тех, кто внизу».

— *Из записных книжек Киллиана Вайса.*

Всё, что я видел — это чёртова темнота. Всё, что я чувствовал — это боль в затылке, привкус крови во рту и тошноту. Ах да, чуть не забыл: запах сырости, плесени и жжёной проводки, который намертво въелся мне в ноздри.

Затылок раскалывался так, словно по нему со всей дури прошлись кувалдой — обычное, паршивое сотрясение мозга после хорошего удара со спины. Руки с ногами явно были связаны. Пытаясь не шуметь, я осторожно шевельнул сначала пальцами ног, а затем едва заметно потянул запястья, проверяя, насколько туго затянуты узы. Но толстый кабель сидел намертво, и даже от этого минимального движения ржавое железо кресла подо мной едва слышно скрипнуло в тишине.

— Кажется, он приходит в себя, — нарушил тишину и капанье капель с потолка мужской голос.

Мгновенье, и я грязно выругался сквозь зубы. С меня рывком сорвали повязку, и в глаза со всей дури ударил резкий, слепящий свет.

Я зажмурился до резей, мотая головой. Затылок тут же отозвался новой волной тошноты и дикой, раскаленной болью в заклинившей челюсти, которую мне знатно приложили ещё на террасе. Но хуже всего был подспудный, холодный зуд, зародившийся где-то глубоко в позвоночнике. Ломка. Мой организм, хапнувший на террасе чистую энергию Айрис, теперь буквально горел, выворачивая суставы наизнанку. Каждая клетка выла, требуя вернуть тот лазурный экстаз. Обычные оранжевые часы трущоб теперь казались мне помоями.

Кое-как продрал веки. Зрение возвращалось неохотно, размазывая картинку, но первым, на чём сфокусировался взгляд, было моё собственное левое запястье. Я тупо уставился на руку. Там, где раньше тлел тусклый оранжевый копеечный счётчик Нижнего города, теперь ровно, ослепительно-голубым цветом горели новые цифры: 360 дней. 23 часа. 54 минуты. Год жизни высшей пробы. Мой личный персональный ад.

Только после этого я сообразил, что сижу в каком-то обшарпанном, скрипучем кресле. Запястья и лодыжки до онемения перетягивал толстый высоковольтный кабель, который я только что безуспешно пытался прощупать. Постепенно из белого марева проступили стены. Мы находились в грязном полумраке заброшенного технического коллектора. Сверху уныло капала жижа, со шлепками разбиваясь о бетонный пол.

И прямо в центре этого подвального круга света стояла она.

Вместо роскошного клубного платья Верхнего мира на Айрис теперь были облегающий черный топ, открывающий подтянутый живот, и узкие штаны, заправленные в тяжелые ботинки. Обе перчатки покоились в её кармане. Из тени за её спиной плавно выступил второй силуэт — высокий, поджарый парень в штурмовой экипировке Департамента без шевронов. Тот самый Крис, чей голос я слышал секунду назад. Он лениво, но точно держал меня на мушке титанового пистолета.

— Ну и что нам с ним делать, Айрис? — Крис брезгливо сплюнул на бетон, не переводя с меня ствола. — Кроу перекрыл терминалы в радиусе пяти секторов. Оставлять эту ищейку в живых — лишний геморрой. Проще обнулить прямо в этом кресле и сбросить в утилизатор.

Я даже не попытался дернуться. Мне было глубоко плевать. Я лишь лениво прищурился, сдерживая тошноту, и цинично оскалился, глядя прямо на ствол.

— Стреляй, парень, — прохрипел я, сплевывая вязкую кровь под ноги. — Валяй. Избавь от тошноты. Только учти: если бы Кроу хотел меня просто пристрелить, он бы прислал своих ручных ликвидаторов, а не звонил мне в трущобы. Так что засунь пушку в штаны и не мешай девчонке думать. Вы притащили меня сюда не для того, чтобы пугать этой игрушкой.

Крис недовольно дернул челюстью, но ствол опустил. Айрис подошла вплотную. Из её пальцев пахло соленой карамелью и порохом — этот запах мгновенно ударил в мозг, заставляя мой подкожный таймер глухо запульсировать. Она достала мой собственный армейский стилет и одним точным движением перерезала кабели на моих руках и ногах.

Я медленно поднялся, разминая онемевшие кисти. Рост под два метра давал о себе знать — Крису пришлось задрать голову, и его ладонь снова инстинктивно легла на кобуру. Я проигнорировал его, протянув руку к Айрис.

— Сигарету дай, — потребовал я, забирая у неё свой стилет и лениво пряча его во внутренний карман насквозь мокрого темного пальто. — И рассказывайте, во что вы меня впрягли.

Айрис протянула мне пачку, чиркнула зажигалкой и кивнула на разбитый, сочащийся искрами терминал на стене

— Посмотри на экран, Вайс. Кроу повесил на меня похищение века. Верхний город уверен, что я украла его дочь Эвелин и контейнер со временем. Но посмотри, какой треш этот ублюдок прямо сейчас крутит в прямом эфире для своей зажавшейся элиты.

Я глубоко затянулся горьким уличным табаком и посмотрел на дребезжащий голографический дисплей. Там шла пафосная трансляция из главного собора Верхнего яруса: роскошные белые цветы, толпы чиновников в траурных костюмах и сам Аластер Кроу, скорбно склонивший голову перед гробом, усыпанным бриллиантами. Диктор с придыханием вещал о «трагической гибели девятнадцатилетней Эвелин Кроу от рук безжалостных террористов из трущоб».

— Этот ублюдок хоронит пустой гроб, Вайс, — Айрис горько, цинично усмехнулась, повернувшись ко мне. — Слышь? Пустой! Потому что её настоящий труп — состарившийся до неузнаваемости, превращенный в stodvadtiletnyю старуху после того, как Кроу выкачал из собственной дочери всё время до последней секунды, — прямо сейчас его личные ликвидаторы тайно везут в печи Чистилища. Они хотят сжечь её труп в крематории без регистрации, чтобы замести следы до того, как Высший Департамент вскроет подлог.

Она медленно повернула правую кисть ладонью вверх. Обе перчатки были сняты. Знак бесконечности ослепительно-лазурным светом беззвучно пульсировал под её бледной кожей. Математическая петля, намертво вшитая в её плоть от самого рождения.

— Я родилась такой, Вайс, — тихо произнесла она, и в её голосе впервые не было уличной издёвки. — В моих венах время не кончается. Я не старею, не обнуляюсь и не завишу от системы Верхнего города. Я для них — ходячий кошмар. Живое доказательство того, что вечность может быть бесплатной. Если верхушка узнает, что такие, как я, существуют, вся их хроно-империя рухнет за сутки.

Я выпустил струю серого дыма в потолок, не сводя тяжелого взгляда с её светящегося запястья. Холодная логика следователя моментально перестроила картину дела.

— И Кроу про это прознал, — глухо констатировал я.

— Прознал, — кивнула она. — Его ликвидаторы охотятся за мной всю мою жизнь. Но капсула №001-Альфа, которую я вынесла из его особняка — реальна. И она мне нужна. В ней заперты архивные данные Высшего Департамента, координаты и коды к Чистилищу. Там лежит то, что Кроу собирается уничтожить вместе с трупом своей дочери, чтобы скрыть глобальный подлог. Капсула заблокирована старыми шифрами. А мастер-ключ остался только у одного следователя, чью цифровую подпись Кроу забыл стереть из архивов. У тебя, Киллиан. Он нанял тебя, зная, что ты выйдешь на меня, твои коды откроют систему, а потом его штурмовики зачистят нас обоих в одной могиле.

Я перевёл взгляд на дребезжащий голографический дисплей, где Кроу скорбел перед гробом в прямом эфире. Пазл сжался в один плотный, смертоносный узел. Нас развели как последних лохов, втянув в заговор, масштаб которого мы пока даже не понимали. Мы оба были смертниками в его игре: у меня был ключ от морга, у неё — моё противоядие от ломки, которая добьёт меня через три дня без её энергии.

— Ублюдок, — хмуро процедил я, туша окурков о ржавую трубу. — Просчитал всё. Значит, план меняется. Кроу объявил, что его дочь жива и похищена — и это его главная ошибка. Мы заберем эту капсулу и раскопаем, что за чертовщину он прячет. Начнем с морга Чистилища. Прорвемся туда до того, как её сожгут, взломаем логи кушетки и пустим доказательства по всем терминалам. Его же друзья пустят Кроу на фарш за сутки, чтобы спасти свои шкуры.

Вдруг весь коллектор содрогнулся от мощного, глухого подземного взрыва. С потолка посыпалась ржавая крошка, а грязные лужи под ногами пошли волнами. Терминал за стеной со скрежетом остановилась.

— Дроны! — заорал Крис, передергивая затвор своего пистолета. — Хроно-сканеры Кроу засекли сигнал твоего гребаного таймера, Вайс! Они выжигают туннели термо-зарядами, штурмовики будут здесь через минуту!

Я вытащил свой тяжелый армейский пистолет из-под пальто, снимая его с предохранителя.

— Крис, открывай аварийный люк к Чистилищу, — скомандовал я, занимая позицию у шлюза. — Посмотрим, какая на вкус эта их вечность. Бежим!

Крис с матами навалился на ржавый рычаг аварийного люка. Железо заскрежетало, сопротивляясь, а за нашими спинами из темноты туннеля уже донеслось нарастающее, тонкое жужжание. Дроны Кроу шли чётко на лазурное излучение моего нового годового таймера.

— Заклинило, сука! — выплюнул Крис, безуспешно дёргая задвижку.

— Свали, мажор, — я грубо оттолкнул его плечом, перехватил холодный металл рычага обеими руками и рванул на себя, навалившись всей своей стокилограммовой массой.

Металл хрустнул. Герметичная круглая дверь шлюза поддалась с глухим стоном, открывая черноту вертикального технического колодца. Я силой толкнул Айрис внутрь, прыгнул следом, а Крис швырнул свое тело в проем последним. Он успел мертвой хваткой вцепиться в ручку и с грохотом захлопнуть массивную бронедверь прямо перед тем, как туннель позади нас ослепительно полыхнул термо-зарядом

Бабахнуло так, что толстый металл двери выгнулся внутрь уродливым пузырем. Ударная волна сотрясла всю шахту, и мы все втроем кубарем покатались вниз по наклонному металлическому желобу, обдирая локти о ржавые скобы, пока не вылетели на затопленный бетонный настил.

— Живые? — прохрипел я, поднимаясь из грязной жижи и вытирая кровь с разбитой брови.

— Минус один дрон, — огрызнулся Крис, проверяя тепловизор на шлеме. — Но сверху идёт целая стая. Нам конец, если не вырубим твои светящиеся часы, Вайс!

— Заткнись, Крис, — жёстко оборвала его Айрис.

Она стояла рядом, тяжело дыша. Её черный топ был покрыт ржавыми брызгами, а в голубых глазах не было ни капли страха — только дикий, уличный азарт. В этом узком, заваленном трубами проходе места вообще не оставалось. Мне пришлось вжаться спиной в стену и прижаться к ней почти вплотную, облипая, чтобы Крис мог протиснуться мимо со своим пистолетом.

И тут меня накрыло.

Запах её кожи, смешанный с пороховой гарью и карамелью, мгновенно ударил в ноздри. Мой подкожный голубой таймер на запястье запульсировал так бешено, что цифры смазались в одну лазурную полосу. Ломка, притихшая во время взрыва, вернулась с утроенной силой.

Мышцы спины свело судорогой, а в затылок плеснуло чистым жидким огнём. Моё тело выло от близости её аномальной энергии, суставы крутило, а зубы сжались до хруста. Руки инстинктивно дернулись к её талии, требуя тесного контакта, нового поцелуя, чтобы заглушить этот ад внутри. Я удерживал себя на месте чистым усилием воли. Эта девка была моим спасением и моей персональной виселицей одновременно.

— Нам туда, — Айрис скользнула ладонью по моему мокрому плечу, направляя взгляд на узкий коллектор. От её мимолётного прикосновения ломка внутри меня глухо заскулила и ненадолго отступила. — Это дренажная труба прямого сброса медицинских отходов. Она ведёт к подвалам морга.

— Отличная дорога, — процедил я, снимая армейский пистолет с предохранителя. — Как раз для нас.

Мы двинулись быстрым, рваным полубегом. Крис шёл впереди, сканируя темноту, я замыкал, прикрывая Айрис своей широкой спиной в тяжёлом пальто. Вокруг царил настоящий нуарный треш: под ногами хлюпали отработанные био-растворы, стены были покрыты склизким грибок, а из проржавевших стыков труб то и дело с шипением вырывался ядовитый технический пар.

Но настоящий ужас ждал нас за вторым поворотом коллектора.

Крис резко замер, вскинув руку.

Прямо перед нами, на пересечении туннелей, лежали трупы. Четыре человека в форме технического персонала Чистилища. Точнее — то, что от них осталось. Никакой крови, никаких пулевых отверстий. Их тела были иссушены, сморщены и превращены в серые, покрытые трупными пятнами мумии, застывшие в позах дикого ужаса. Их терминалы под кожей были выжжены до черного мяса.

Я присел перед одним из них, хмуро разглядывая серые нули на его обугленном запястье. Мозг следователя моментально считал почерк.

— Ликвидаторы Кроу, — глухо сказал я, поднимаясь. — Зачищают всех, кто мог случайно увидеть или зафиксировать доставку тела Эвелин. Они не тратят патроны. Они просто подключают армейские хроно-насосы напрямую к шлюзам и выкачивают жизнь целыми секторами.

— Этот заговор глубже, чем мы думали, Вайс, — тихо произнесла Айрис, глядя на мертвецов. Её знак бесконечности на руке тускло мигнул. — Кроу не просто замечает следы убийства дочери. Он тестирует систему массового, мгновенного обнуления низов. Если капсула, которую я украла, попадёт в печи крематории — коды активации этого оружия станут вечной тайной Высшего Департамента. Они смогут обнулять целые ярусы трущоб одной кнопкой.

— Значит, мы заберём эту капсулу у них из-под носа, — жёстко отрезал я, перешагивая через труп. Цинизм выгоревшего мента испарился, уступив место злой, ледяной ярости. Кроу решил уничтожить мой мир ради своего бессмертия? Не выйдет, сука.

Сверху снова грохнуло. Плиты над нашими головами затрещали. Красный аварийный свет залил туннель, а динамики вентиляции хрипло завывали сиреной: «Внимание. Несанкционированное проникновение в сектор "Чистилище". Введён протокол блокировки шлюзов».

— Скорее! Они закрывают броне-ворота морга! — крикнул Крис, срываясь на бег.

Мы рванули вперёд, наперегонки с тикающими секундами и завывающими дронами позади. Игра пошла ва-банк, и в конце этого туннеля нас ждал либо труп Эвелин Кроу с капсулой, либо наше собственное мгновенное обнуление.

Сапоги тяжело вбивались в липкую, пахнущую химикатами жижу под ногами. Мы не просто бежали — мы неслись наперегонки со смертью. Сирена Высшего Департамента над головой завывала так, что этот хриплый ультразвук вибрировал в зубах, а красный аварийный свет выхватывал из темноты коллектора ржавые контуры труб, похожие на ребра гигантского дохлого зверя.

— Они блокируют сектор! — на бегу рявкнул Крис, оборачиваясь. На его шлеме бешено мигал индикатор тактической сети. — Шлюзы Чистилища закроются через сорок секунд! Если не успеем — нас просто запечатает в этой дренажной трубе, и ликвидаторы выжгут нас хроно-насосами как крыс!

— Заткнись и беги! — перекрывая гул вентиляции, гаркнул я, не оборачиваясь.

Тяжелые полы моего пальто намokли и хлопали по голенищам ботинок, мешая двигаться, но я упрямо пер вперед, прикрывая Айрис своей широкой спиной. Изнуряющая ломка в позвоночнике никуда не делась — она тлела внутри, готовая в любой момент вспыхнуть новой волной парализующего голода, но сейчас адреналин и чистая злость следователя выжигали этот туман. Теперь это моё расследование.

Туннель дренажного сброса резко оборвался развилкой. Мы выскочили в просторный, ледяной коллектор нижнего яруса Чистилища. Стены здесь были из толстого, покрытого инеем бетона. Пахло чистым спиртом и формалином.

И прямо перед нами, метрах в тридцати, начали медленно, со скрежетом опускаться массивные бронированные ворота Департамента. Две многотонные титановые плиты сходились сверху и снизу, безжалостно отрезая нас от центрального зала морга. Зазор между ними стремительно сужался: метр, восемьдесят сантиметров, шестьдесят..

— Не успеем! — Крис затормозил, его ботинки со свистом проехали по обледенелому полу. — Ворота намертво встанут в пазы!

— Скользи, мажор! — крикнул я, на полной скорости хватая Айрис за руку.

От её прикосновения мой подкожный голубой таймер на запястье дико запульсировал, подстёгивая выжигающую ломку, но я использовал эту вспышку адреналина, чтобы рвануть девку за собой. Я бросил свое тело вперед, падая набок прямо на скользкий бетон, и мы вместе с Айрис «облипмя» влетели под опускающийся многотонный нож шлюза в самую последнюю долю секунды.

Следом, грязно матерясь, рыбкой проскочил Крис.

За нашими спинами титановые плиты сошлись с таким оглушительным, зубодробительным грохотом, что пол под нами подпрыгнул. Шлюз закрылся. Отрезал туннель позади. И в ту же секунду из темноты под потолком ледяного зала со щелчком выдвинулись две автоматические турели защиты. Красные лазерные целеуказатели мгновенно скрестились на моей груди.

«Внимание. Обнаружен несанкционированный биометрический профиль. Система активирует протокол зачистки через три... две...» — бездушный механический голос компьютера Чистилища зазвучал прямо из динамиков над нами.

— Вайс, коды! Старые Департаментские коды, быстро! — заорал Крис, вжимаясь в основание титановых ворот и наводя свой пистолет на ближайшую турель.

Я вскочил на ноги, проигнорировав раскалывающийся от боли затылок. Мой подкожный голубой таймер ослепительно мигал. Прямо перед нами у стены стоял главный терминал шлюза. Я рванул к нему, наотмашь ударил кулаком по защитному стеклу, разбивая его в крошево, и с силой прижал свое левое запястье, где работал мастер-ключ, напрямую к лазерному сканеру системы безопасности трехлетней давности.

— Жри, сука! — выдохнул я сквозь зубы.

Луч сканера скользнул по моей коже, считывая вживленные Департаментские маркеры, которые Кроу так самонадеянно забыл обновить на нижних ярусах. Ровно одну бесконечную секунду красные точки турелей дрожали у меня на лбу, готовые превратить мою голову в кашу.

Айрис следила за мной, затаив дыхание. И затем компьютер глухо пискнул. Лазеры погасли. Турели со щелчком втянулись обратно в потолочные пазы.

«Доступ разрешен. Приветствуем, старший следователь Вайс. Протокол зачистки отменен».

Я тяжело оперся руками о металлический пульт терминала, ловя ртом ледяной воздух морга. Меня трясло от отходняка и ломки, но мы сделали это. Мы были внутри.

— Ну и треш... — Крис медленно опустил пистолет, вытирая пот со лба. — Ты маньяк, Вайс. Ещё бы полсекунды, и от нас остался бы только фарш.

Я не ответил ему. Я медленно обернулся и посмотрел в глубь зала.

Это был центральный морг Чистилища. Огромный, стерильно-белый зал, заполненный ровными рядами металлических кушеток и холодильных боксов, от которых шел густой морозный пар. В помещении стояла звенящая, мертвая тишина.

И прямо по центру зала, под единственной горящей лампой, стояла изолированная кушетка Высшего Департамента. На ней лежало тело, накрытое плотной белой простыней. Из-под ткани уродливо выступали контуры катетеров и шлангов хроно-насоса, уходящих в массивный передвижной утилизатор. Ликвидаторы Кроу успели доставить её сюда тридцать минут назад.

Айрис медленно подошла к кушетке. Её голубые глаза потемнели от затаенной ярости, а ладонь со знаком бесконечности мелко дрожала. Она протянула руку и рывком сдернула простыню.

На кушетке лежала Эвелин Кроу. Точнее — то иссохшее, страшное существо, в которое превратил девятнадцатилетнюю девочку собственный отец. Её кожа была похожа на серый сморщенный пергамент, покрытый трупными пятнами, пальцы скрючены, а лицо застыло в уродливой маске дряхлой старухи. Она была выпита до капли. Но самое главное лежало прямо у её изголовья — тяжелый, бронированный контейнер из матового титана со светящейся пломбой Департамента. Капсула №001-Альфа.

Вся грязная, заговорщическая тайна Аластера Кроу лежала здесь, на этом ледяном столе. И в эту секунду где-то на цррег этажах Чистилища глухо взвыла общая сирена тревоги. Копы Верхнего города поняли, что кто-то использовал мастер-ключ мертвого следователя.

— Капсула здесь, Вайс, — Айрис подняла на меня свой дикий взгляд. — Но у нас меньше минуты, чтобы вскрыть её твоим кодом и забрать данные, пока сюда не ворвался весь Департамент.

Я подошел к каталке, до упора загнал обойму в армейский пистолет и протянул руку к биометрической панели титанового контейнера. Система считала мою старую цифровую подпись, и пломба капсулы с тяжелым гидравлическим шипением отскочила в сторону.

Дисплей на контейнере моргнул, но вместо архивных логов на экране алым цветом высветилась всего одна строчка: «ПРОТОКОЛ "ЗАЧИСТКА 0" АКТИВИРОВАН. ДИСТАНЦИОННОЕ ОБНУЛЕНИЕ СЕКТОРА ЧЕРЕЗ 10 СЕКУНД».

Кроу изначально не собирался ничего прятать. Капсула была ловушкой. Таймером самоуничтожения всего морга вместе со всеми уликами и нами.

— Твою мать, Крис, бежим! — рывкнул я, пытаюсь вырвать контейнер из пазов, но в эту же секунду ледяные, иссохшие пальцы мертвой Эвелин Кроу с кушетки мертвой хваткой вцепились в мое запястье.

Старушечьи веки трупа резко распахнулись. Из пустых, выжженных глазниц на меня плеснуло мертвым серым светом, а её разбитые, сухие губы уродливо зашевелились, выдавая чужой, искаженный помехами голос Аластера Кроу прямо из встроенного в её челюсть динамика:

— Я уде однажды говорил тебе, Вайс... Твое время вышло.

Десять секунд на экране капсулы сменились девяткой. А заблокированные броне-ворота морга за нашей спиной начали намертво наливать глухой, смертельной тишиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.